
С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 303.01

КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБЩЕСТВА В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

И. В. ЛАШУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Цель статьи – изучение основных этапов формирования конструктивистской методологии в социологии. Этот дискурс формировался на основе различий в концептуализации феномена общества и особенностях его познания. Данные представления анализируются в рамках философии, социологии, этнометодологии. Рассмотрены также неомодернизм и постмодернизм как две основные ветви социологических интерпретаций современного общества. Обозначенные теории непосредственно легли в основу социального конструктивизма (П. Бергер и Т. Лукман), в рамках которого был провозглашен основной принцип социологического познания: «Общество существует как в объективной, так и в субъективной реальности». Фокус внимания также сосредоточен на социоанализе П. Бурдьё, который стремился отмежеваться от структуралистского и феноменологического подходов к изучению социальной реальности и ввел понятие «агент» в противоположность субъекту и индивиду.

Ключевые слова: конструктивизм; феноменология; этнометодология; социоанализ; культура.

Образец цитирования:

Лашук ИВ. Конструктивистские интерпретации общества в западной социологии. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;2:124–129.

For citation:

Lashuk IV. Constructivist interpretation of society in western sociology. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;2:124–129. Russian.

Автор:

Ирина Валерьевна Лашук – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры экономической социологии, руководитель Центра социально-гуманитарных исследований Института социально-гуманитарного образования.

Author:

Iryna V. Lashuk, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of economic sociology, head of the Center for social and humanitarian studies, Institute of social science and humanities education.
lashuki@tut.by

CONSTRUCTIVIST INTERPRETATION OF SOCIETY IN WESTERN SOCIOLOGY

I. V. LASHUK^a

^aBelarusian State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The purpose of this article is to study the main stages of the formation of a constructivist methodology in sociology. The indicated discourse consisted of differences in the conceptualization of the phenomenon of «society» and the characteristics of its (society) cognition. The main concepts of constructivist interpretation of the «society» phenomenon are considered. The origins of these ideas were formed in the framework of phenomenological philosophy, sociology, ethnomethodology. These theories laid the foundation for social constructivism in the person of P. Berger and T. Lukman, who proclaimed the basic principle of sociological knowledge: «Society exists in both objective and subjective reality». The focus of attention is further focused on the socio-analysis of P. Bourdieu, who seeks to dissociate himself from the structuralist and phenomenological approaches to the study of social reality and introduces the concept of «agent» as opposed to subject and individual.

Keywords: constructivism; phenomenology; ethnomethodology; socio-analysis; culture.

Конструктивистские идеи оказали серьезное влияние на формирование и развитие современной социологии. Рассмотрим основные эпистемологические конструктивистские концепции общества, разработанные в западном социогуманитарном знании.

Феноменологическая социология берет свое начало в осуществленном Э. Гуссерлем феноменологическом повороте в философии. Повседневный мир человека, по мысли Э. Гуссерля, является интересующим миром культуры: человек живет в нем среди других людей, все связано общими делами и работой, понимают других и являются для них объектом понимания. И это мир культуры, поскольку жизненный мир есть для человека универсум обозначений, т. е. смысловая сеть, которую необходимо проинтерпретировать, и мир смысловых взаимосвязей, которые устанавливаются посредством нашего действия в этом жизненном мире. Основная идея философии Э. Гуссерля, которая потом стала центральной во всей феноменологии, – это идея интенциональности сознания. Ее смысл заключается в следующем: *сознание всегда направлено на объект, и вне этой направленности на объект отсутствует информация о сознании какого-то содержания*. Поэтому в значительной степени социальные представления о том, что есть сознание, зависят от анализа тех объектов и предметностей, от которых это сознание зависит [1].

Феноменолог-социолог А. Шюц, считающийся основателем феноменологической социологии, утверждает, что социальная реальность представляет для каждого человека как субъекта социального действия существующий для него и других людей интересующий мир, т. е. мир, созданный в процессе взаимодействия и взаимовлияния многих субъектов. Только собственный обобщенный обыденный опыт, приобретенный во взаимодействии с другими, дает возможность приобщиться к интересующему миру [2].

Более того, социальный мир не только интересующий и предстает как воплощение межсубъектного взаимодействия людей в опыте их повседневной жизни, но и является с самого начала миром значений. Другой человек в этом опыте воспринимается не как организм, а как такой же человек, поэтому люди, как правило, «знают» (т. е. более или менее четко представляют), что делает другой человек, ради чего он это делает, почему он делает именно это в данное время и в данных конкретных обстоятельствах. Значит, восприятие действий другого человека осуществляется с точки зрения его мотивов и целей. И точно так же воспринимаются культурные объекты с точки зрения человеческого действия, результатом которого они являются. В основе межсубъектных взаимодействий лежит понимание как особая форма опыта, в которой обыденное сознание получает знание о социально-культурном мире.

В рамках социологической феноменологии и на ее теоретической основе на рубеже 1960–70-х гг. возникло новое направление в социологии – этнометодология. Автор этой концепции Г. Гарфинкель [3] универсализирует методы этнографии и способы организации повседневной жизни людей в примитивных обществах и культурах, тем самым превращая эти методы в теоретико-методологическое основание социологического анализа всех явлений и процессов социальной действительности.

С точки зрения этнометодологов, социальная реальность не обладает объективными характеристиками, а видоизменяется в зависимости от особенностей, содержания и форм выражения той социальной коммуникации, в процессе которой они реализуются, возникают и развиваются. Более того, социальная реальность конструируется, создается в процессе общественной коммуникации, прежде всего речевой. Научные термины, концепции, теории являются вторичными, производными от повседневного опыта и общения людей, в процессе

развертывания которого и создается сама объективная реальность. Так появляются уже не философские, а социологические, культурологические понятия – «интерсубъективность» (А. Шюц) и «коммуникация», «диалог» (Э. Гуссерль). Логичным представляется переход к трактовке Э. Гофманом понятия игры: чтобы действовать и играть, нужно соблюдать стандарты, которые необходимо предварительно согласовать с другим через интернализованные схемы организации опыта. Итак, к социологическим понятиям добавляются понятия публичности, публичного пространства и ситуации, в которой что-то происходит.

Ю. Хабермас в своих работах анализировал соотношение понятий «жизненный мир» и «ситуация»: жизненный мир можно рассматривать как фон для реализации тех конкретных жизненных ситуаций, в которые попадает человек. Жизненные ситуации могут быть стандартными, проблемными и конфликтными.

Во 2-й половине XX в. начали оформляться по крайней мере две ветви мысли в процессе определения общества (онтологический смысл) и способов познания этого общества (эпистемологический смысл). Первая ветвь представлена группой теоретиков (Ю. Хабермас, Э. Гидденс), полагающих, что в отношении современного общества возможно строить теории при помощи того же способа, который социальные мыслители использовали на протяжении многих лет. Вторая традиция представлена Ж. Бодрийяром, Ж.-Ф. Лиотаром, Ф. Джеймисоном, утверждающими, что общество так резко изменилось, что мы сейчас живем в качественно ином – постмодернистском – обществе. Более того, они доказывают, что об этом новом обществе необходимо думать по-новому. С некоторой натяжкой сторонников первого направления можно назвать неомодернистами, второго – постмодернистами.

Э. Гидденс определяет современное состояние общества как «поздний (высокий, радикализованный) модерн», одной из основных характеристик которого является глобализация социальной жизни. Самой отличительной характеристикой модернового типа социальной жизни признается ее динамизм – мир с «отказавшимися тормозами». Динамический характер модерновой жизни Гидденс объясняет тремя взаимосвязанными факторами:

1) разделением времени и пространства; образованием измерения «пустого времени» и «пустого пространства». Эти категории интерпретируются Э. Гидденсом в терминах отделения социальных отношений от локуса (места) благодаря развитию связей с «отсутствующими» (т. е. находящимися вне данного локуса) другими;

2) «откреплением» социальных институтов, означающим отрыв социальных отношений от локальных контекстов и их реструктурирование на

большие отрезки пространства и времени. Существует два основных механизма «открепления»: «символические значки» (деньги) и «экспертные системы», которые заключают в скобки пространство и время посредством специализированного знания, обладающего значимостью независимо от личности пользователя;

3) специфичной рефлексивностью. «Постоянный рефлексивный мониторинг поведения» является интегральным моментом любого человеческого действия. При возникновении модерна рефлексивность приобретает особый характер: рефлексивность модерновой социальной жизни состоит, с точки зрения Э. Гидденса, в том, что социальные практики постоянно критически оцениваются и трансформируются в свете поступающей информации [4].

У. Бек, сторонник названной нами неомодернистской концепции, утверждает, что если классический этап современности был связан с промышленным обществом, то новая современность может быть охарактеризована как «общество риска». Так как центральная дилемма в классической современности – богатство, бедность и их распределение, то основная проблема современного общества – предотвращение и минимизация риска, а также управление им. В этом контексте становится актуальным новое концептуальное направление – социология знания [5].

Социология знания является наиболее философской социологической дисциплиной. Ее предмет – возникновение и функционирование различных форм мышления и знания, представляющих собой элемент социокультурной реальности, т. е. религиозные и философские учения, научные теории. Термин «социология знания» был введен М. Шелером. Во многом благодаря трудам К. Мангейма это направление впоследствии стало популярным в англоязычной социологии. Сейчас социология знания исследует особенности формирования, трансляции и воспроизводства знания, социальной детерминации типов мышления в различные периоды истории, типологии производителей и потребителей знания, институциональных форм духовного творчества и т. д. Соответственно, это ядро целого ряда других социологических дисциплин: социологии науки, религии, искусства, имеющих, однако, свою специфику.

Феноменологическая социология знания (П. Бергер, Т. Лукман) [6] ориентирована не столько на изучение специализированных форм знания, сколько на «повседневное знание», реальность «жизненного мира», существующего до формирования разного рода теоретических систем. В начале книги «Социальное конструирование реальности» авторы рассматривают множество источников, однако большее внимание уделяется феноменологии

Э. Гуссерля, переработанной А. Шюцем в феноменологическую социологию. Детальная концептуализация основных категорий и тем социологии знания в феноменологической перспективе принадлежит именно П. Бергеру и Т. Лукману. После выхода упомянутой работы это направление получает широкую известность, становится влиятельным в американской и немецкой социологии. Основная идея данной книги заключается в следующем: реальность социально конструируется; социология знания анализирует процессы, при помощи которых происходит социальное конструирование. Ключевые понятия – реальность и знание, термины, которые используются не только в повседневной речи, но и в длительной философской традиции. Реальность определяется как возможность, присущая феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания, а знание – это уверенность в том, что феномены реальны и обладают специфическими характеристиками.

Авторов интересует прежде всего повседневная реальность в ее осмыслении простыми людьми, вступающими в социальное взаимодействие.

Важные элементы повседневного социального взаимодействия – способы объективации субъективного: язык как знаковая система и знание (или в терминологии авторов – «социальный запас знания»).

Человеческая субъективность объективируется, проявляя себя в продуктах человеческой деятельности, доступных как ее создателям, так и другим людям в качестве элементов общего всем мира. Такие объективации служат более или менее устойчивыми показателями субъективных процессов, присущих их создателям, и позволяют вывести эти процессы за пределы ситуации *лицом к лицу*, в которых их можно было непосредственно наблюдать.

Реальность повседневной жизни не просто полна объективаций, она и возможна лишь благодаря им. Человек постоянно окружен объектами, которые обозначают субъективные намерения партнеров, хотя иногда и возникают трудности в понимании того, что определенный объект обозначает, особенно если он был создан людьми, которых субъект не знал достаточно хорошо или вообще не знал в ситуациях непосредственной встречи.

Процесс обозначения (сигнификация), т. е. осознание человеком знаков, – особый и очень важный случай объективации. Знак отличается от других объективаций своей явной интенцией быть показателем субъективных значений. Конечно, все объективации используются как знаки, даже если первоначально они были созданы без такого намерения. Например, оружие могло быть поначалу создано для того, чтобы убивать зверей, но впоследствии (например, в каком-то обряде) оно становится обозначением агрессивности и насилия вообще.

Общество существует как в объективной, так и в субъективной реальности. Оно понимается как непрерывный диалектический процесс, состоящий из экстернализации, объективации и интернализации. Поскольку нас интересует социетальный феномен, не следует считать, что эти три этапа происходят во временной последовательности. Скорее, общество и каждая его часть одновременно характеризуются ими, так что любой анализ в терминах лишь одного или двух этих понятий не будет исчерпывающим. То же можно сказать и в отношении отдельного члена общества, который одновременно экстернализирует себя в социальном мире и интернализирует этот мир как объективную реальность. Иначе говоря, быть в обществе – значит участвовать в его динамике [6].

Ключевым элементом субъективной реальности является идентичность – феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества. Под *типами идентичности* понимаются социальные продукты, относительно стабильные элементы объективной реальности (конечно, степень стабильности, в свою очередь, социально детерминирована).

Постмодернисты в качестве объекта своего изучения выделяют постсовременное общество. Это новая историческая эпоха, которая сменила современность. Постмодернисты считают, что прежние методы невозможно применить к постсовременности, в которой мы живем сегодня. С точки зрения Ф. Джеймисона, постсовременность – бездонный, поверхностный мир, мир имитаций; мир, который испытывает недостаток в аффектах и эмоциях; в нем человек теряет чувство своего места в истории и в нем трудно провести грань между прошлым, настоящим и будущим; вместо бурно развивающихся производственных технологий современности в этом обществе господствуют отупляющие производственные технологии (телевидение, интернет и т. п.) [7].

Особо следует остановиться на социоанализе П. Бурдьё. Этот философ стремился отмежеваться от структуралистского и феноменологического подходов к изучению социальной реальности. Он ввел понятие «агент» в противоположность субъекту и индивиду: агенты «не являются автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами механики, которые им неведомы» [8, с. 19]. Агенты осуществляют стратегии – своеобразные системы практики; они движимы целью, но не направляются сознательно этой целью. В качестве основы для объяснения практики агентов П. Бурдьё предлагает не теоретическую концепцию, построенную для того, чтобы представить эту практику «разумной» или, того хуже, «рациональной», – он описывает саму логику практики через такие феномены, как практическое чувство, габитус, стратегии поведения.

Одним из базовых понятий социологической концепции П. Бурдьё является понятие габитуса, позволяющее философу преодолеть ограниченность и поверхностность структурного подхода и излишний психологизм подхода феноменологического. Габитус – это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он дает возможность агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и более или менее адекватно реагировать на события и ситуации. За этим стоит огромная работа по образованию и воспитанию индивида в процессе его социализации, по усвоению им не только эксплицитных, но и имплицитных принципов поведения в определенных жизненных ситуациях. Интериоризация такого жизненного опыта, часто оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определенным – тем, а не другим – способом.

Габитус, по П. Бурдьё, есть в одно и то же время порождающий принцип, в соответствии с которым объективно классифицируется практика, и принцип классификации практик в представлениях агентов. Отношения между этими двумя процессами определяют тип габитуса: способность продуцировать определенный вид практики, классифицировать окружающие предметы и факты, оценивать различные практики и их продукты (то, что обычно называют вкусом), что также находит выражение в пространстве стилей жизни агентов.

Связь, устанавливаемая в реальности между определенным набором экономических и социальных условий (объем и структура капиталов, имеющихся в наличии у агента) и характеристиками занимаемой агентом позиции (соответствующим пространством стилей жизни), кристаллизуется в особый тип габитуса и позволяет сделать осмысленными как сами практики, так и суждения о них.

По мнению П. Бурдьё, особенность общества заключается в том, что оформляющие его структуры ведут «двойную жизнь». Во-первых, они существуют как «реальность первого порядка», данная через распределение объективированных условий и предпосылок практик, средств производства дефицитных благ и ценностей. Во-вторых, они даны в качестве «реальности второго порядка», или «символической матрицы практик агентов», т. е. как социальные представления, практические схемы. Социологическое исследование общества, положенного как «реальность первого порядка», требует рассмотрения «социальной физики» – структуры объективных социальных отношений (существующих вне сознания и воли агентов и независимо от них), узлы и сочленения которой могут наблюдаться, измеряться, «картографироваться». В то же время анализ общества как «реальности второго порядка» предполагает, что предметом со-

циологии выступает не только реальность объективных социальных отношений, но и «...ее восприятие с перспективами и точками зрения, которые агенты имеют об этой реальности в зависимости от их позиции в объективном социальном пространстве» [9, с. 64].

В теории П. Бурдьё социальное пространство обрывается целым рядом силовых полей (полей отношений или свойств) – политическим, социальным, культурным, символическим и т. д. Поле представляет собой определенный тип игры, в каждом поле существует своя логика или свои правила, а также субполя: например, в поле культуры (в узком смысле) сосуществуют субполя морали, образования, религии и т. д. В каждом поле «играют» свои виды капитала, выступающие в объективном или инкорпорированном (внутреннем) состояниях. В зависимости от обладания этими капиталами группы имеют разную власть над тем или иным полем, причем власть над полем означает власть над продуктом этого поля и над совокупностью средств его производства.

Таким образом, социальная структура в многомерном пространстве полей формируется позициями агентов, в свою очередь определяемыми общим объемом капитала и долей каждого вида капитала. Особое значение для определения позиции агента в социальном пространстве имеет форма распределения видов капитала, которая представляет собой соотношение силы (борьбы) между агентами. Позиции агентов в поле (социальные статусы) определяют шансы на выигрыш (власть или прибыль) в этой игре поля.

На основе гомологии позиций в разных полях между господствующими и подчиненными группами могут устанавливаться союзы с разной степенью устойчивости. П. Бурдьё определяет класс как совокупность агентов, занимающих сходную позицию. В таких условиях агенты подчинены подобным причинно-следственным связям, имеют все шансы для обладания аналогичными диспозициями и интересами и, следовательно, для выработки сходной практики и достижения близких позиций.

В русле глобальной информатизации общества активно развиваются понятия виртуализации, которые позиционируются как ключ к пониманию современности. Приложение Марксовой схемы к современности приводит приверженцев этого направления (А. Бюль, А. Крокер, М. Вэйштейн) к тезису о переходе к новой фазе капитализма, когда классические структуры индустриального общества устраняются по мере внедрения компьютерных технологий.

В современном социогуманитарном знании популярна концептуализация современного общества как общества потребления. К основным онтологическим характеристикам общества потребления относят:

- производство и потребление симулякров (по Ж. Бодрийяру) гиперреальности, конструируемых в медийном пространстве;

- возникновение нового виртуального интерактивного информационного поля (социальные сети, форумы и пр.);

- изменения в структуре образа жизни людей. С одной стороны, общество потребления предлагает больше возможностей для саморазвития и самосовершенствования, с другой – достижение необходимого уровня потребления предъявляет определенные требования к личности [10, р. 142].

Проблематика потребления первоначально рассматривалась лишь в контексте экономической науки. Однако постепенно данный феномен стал предметом изучения различных социально-гуманитарных дисциплин.

Основные традиции изучения потребления:

1) традиция, основанная на классической политэкономии (потребление выступает как форма экономической активности на рынке). Из классического социоструктурного анализа выделились два направления в изучении потребления:

- социология распределения (из классического марксизма), в которой главным объектом выступа-

ют классы, имеющие разные объемы потребительских благ как следствие их разного места в системе общественного разделения труда;

- социология благосостояния (веберовская традиция), описывающая распределения потребительских благ между социальными слоями;

2) традиция понимания потребления как феномена символического взаимодействия:

- социокультурный анализ: Т. Веблен (концепция престижного потребления); Г. Зиммель (анализ форм символического взаимодействия); П. Бурдьё (потребление как инструмент воспроизводства культурных границ класса). Логика потребительского поведения индивидов вытекает из их принадлежности к тем или иным социальным группам, диктуется как объемом доступных материальных ресурсов, так и групповыми культурными программами;

- индивидуалистическая традиция (Р. Барт, Ж. Бодрийяр): потребление рассматривается как процесс символической коммуникации и конструирования идентичности.

Итак, в данной статье мы рассмотрели основные зарубежные социогуманитарные концепции общества и их интерпретации с точки зрения социологического конструктивизма.

Библиографические ссылки

1. Гуссерль Э. Феноменология (статья в Британской энциклопедии). Молчанова ВИ, переводчик. *Логос*. 1991;1:12–21.
2. Шюц А. *Избранное. Мир, светящийся смыслом* [Интернет]. Москва: РОССПЭН; 2004 [протитировано 2 августа 2018 г.]. Доступно по: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/shyuz/index.php.
3. Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? Корбут А, переводчик. *Социологическое обозрение*. 2003;3(4):3–25.
4. Гидденс Э. *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. Коробочкин М, переводчик. Москва: Весь мир; 2004. 120 с.
5. Бек У. *Общество риска: на пути к другому модерну*. Седельник В, Федорова Н, переводчики. Москва: Прогресс – Традиция; 2000. 383 с.
6. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич Е, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления. Пензин А, переводчик. *Логос*. 2000;4:63–77.
8. Бурдьё П. *Начала*. Шматко НА, переводчик. Москва: Socio-Logos; 1994. 288 с.
9. Бурдьё П. Физическое и социальное пространства. В: Бурдьё П. *Социология социального пространства: поля и практики*. Шматко НА, переводчик. Москва: Институт экспериментальной социологии; 2007. 288 с. Совместное издание с «Алетейя».
10. Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. Самарская Е, переводчик. Москва: Культурная революция; 2006. 272 с. Совместное издание с «Республика».

References

1. Gusserl E. [Phenomenology (article in the British Encyclopedia)]. Molchanova VI, translator. *Logos*. 1991;1:12–21. Russian.
2. Shutz A. *Izbrannoe. Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works. World, luminous sense] [Internet]. Moscow: ROSSPEN; 2004 [cited 2018 August 2]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/shyuz/index.php. Russian.
3. Garfinkel G. [What is ethnomethodology?]. Korbut A, translator. *Sociological review*. 2003;3(4):3–25. Russian.
4. Giddens E. *Uskol'zayushchii mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Creeping world. How globalization is zeshaping our lives]. Moscow: Ves' mir; 2004. 120 p. Russian.
5. Bek U. *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk society: towards another modernity]. Sedel'nik V, Fedorova N, translators. Moscow: Progress – Traditsiya; 2000. 383 p. Russian.
6. Berger P, Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
7. Djeymison F. [Postmodernism and the consumer society]. Penzin A, translator. *Logos*. 2000;4:63–77. Russian.
8. Bourdie P. *Nachala* [Beginnings]. Shmatko NA, translator. Moscow: Socio-Logos; 1994. 288 p. Russian.
9. Bourdie P. [Physical and social spaces]. In: Bourdie P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociologia socialnogo prostranstva]. Shmatko NA, translator. Moscow: Institute of Experimental Sociology; 2007. 288 p. Co-published by the «Aleteiya». Russian.
10. Baudrillard G. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer society. His myths and structures]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2006. 272 p. Co-published by the «Respublika». Russian.

Статья поступила в редакцию 10.04.2019.
Received by editorial board 10.04.2019.